

Материал для преподавателя.
Сергей Александрович Есенин
(1895 – 1925)

Планируемое время изучения – 4 часа

Дополнительный материал к творческой биографии С. Есенина.

1. О вхождении Есенина в круг литераторов и в литературу.

В 1915 – 1916 годах Есенин попадает в самые известные литературные гостиные Петрограда. Сюда в этот момент принято приглашать поэтов из народа – «крестьян-самоучек», «самородков». Здесь он выглядит «крестьянином в городе» – таким видит его здесь М. Горький: «Он показался мне мальчиком пятнадцати – семнадцати лет. Кудрявенький и светлый, в голубой рубашке, в поддевке, в сапогах с набором. Он очень напомнил слащавенькие открытки Самокиш-Судковской, изображавшей боярских детей всех с одним и тем же лицом... Есенин вызвал у меня неяркое впечатление скромного и несколько растерявшегося мальчика, который сам чувствует, что не место ему в огромном Петербурге».

А десятилетие спустя, готовясь к выступлению по поводу трагической кончины С. Есенина, Борис Эйхенбаум записывает: «Разложение символизма. Есенин со своими стихами о деревне производит впечатление свежести».

2. О С. Есенине и Н. Клюеве.

Начинающий Есенин испытывает интерес к русскому искусству, прежде всего к тому, что посвящено деревне – к творчеству Хлебникова, «Руси» Блока. Важную роль в творчестве Есенина сыграло знакомство с Николаем Алексеевичем Клюевым и «ученичество» у него (Есенин подражал даже внешним манерам Клюева, его оканью и т. п.). К моменту знакомства с Есениным Клюев был автором трех поэтических сборников: «Сосен перезвон», «Лесные были», «Братские песни». С большим уважением к нему относились А. Блок и О. Мандельштам. Позднее имя Клюева будет на долгое время вычеркнуто из литературы, а сам он сослан. Хотя в 1930-е годы об этом крестьянском поэте писали даже в школьном учебнике по литературе, но писали так: «Наиболее ярким и характерным представителем кулацкой литературы периода военного коммунизма является Н. Клюев».

В своих стихах Клюев создает иллюзию единой мужицкой Руси, чрезвычайно

далекой от реальной деревни с ее классовым расслоением, с ее ожесточенной классовой борьбой...»

В 1916 – 1917 годах Клюев посвятил С. Есенину цикл стихотворений. Со временем Есенин отойдет от Клюева и вообще многое пересмотрит в своих литературных пристрастиях (например, он критически отнесется к футуристам). Он напишет такие строки, обращенные к Клюеву, которого в юности воспринимал как учителя:

Тебе о солнце не пропеть,

В окошко не увидеть рая.

Так мельница, крылом махая,

С земли не может улететь.

Это не мешает Есенину беспокоиться о Клюеве и стремиться помочь ему в сложные минуты жизни. В феврале 1922 года Есенин пишет одному из своих адресатов: «... а Клюев совершенно засыхает в своей Баобабии (образ баобаба как мистического дерева встречается в произведениях Клюева. Есенин иронически называет Баобабией место, где в 1922 году жил Н. Клюев – город Вытегру – Е. А., К. П.). Письма мне он пишет отчаянные.

Положение его там ужасно, он почти умирает с голоду... Я востормошил здесь всю публику, сделал для него, что мог с пайком и послал 10 миллионов руб. Кроме этого послал еще 2 миллиона Клычков и 10 – Луначарский. Не знаю, какой леший заставляет его сидеть там?

Или “ризы души своей” (образ из стихотворения Клюева – Е. А., К. П.) боится замарать нашей житейской грязью? Но тогда ведь и нечего выть, отдай тогда тело собакам, а душа пусть уходит к богу».

3. С. Есенин и эсеры.

После февральской революции, в июне 1917 года, Есенин сближается с Р. В. Ивановым-Разумником, с которым познакомился еще в 1916 году. В то время это известный критик и литературовед, интересовавшийся также и социологическими вопросами. По своим политическим симпатиям Иванов-Разумник – левый эсер. В автобиографии Есенин напишет о себе: «В революции работал с эсерами, не как партийный, а к а к п о э т».

Взгляды Иванова-Разумника существенно повлияли на Есенина. Уже после

революции, во втором номере «Скифов» (левоэсеровского печатного органа) была опубликована статья Иванова-Разумника – «Две России». Революция, писал в ней автор, расколола, разделила Россию: «Два завета, два мира, две России: взыскующие Града нового и взыскующие Града старого. Так в жизни, так в религии, в философии, в художественном творчестве». К взыскующим Града нового, т. е. к духовным революционерам, он относил и Есенина; Есенину и Клюеву он противопоставляет Ремизова как духовного старовера – «на том берегу пропасти» он плачет о «погибели русской земли» (имеется в виду ремизовское «Слово о гибели русской земли», напечатанное в том же номере сборника – Е. А., К. П.).

Со страниц «Скифов» уже в 1917 году повеяло и разочарованием в революции; в редакционной статье, опубликованной в № 1 можно было прочитать следующее: «Скифами при дворе Византийца чувствовали себя мы... Мы чувствовали себя одинокими...

Февральские дни до дна растворили это чувство. На наших глазах порывом, поднялась, встала, от края и до края, молчавшая, гнилым туманом застланная Земля. То, о чем еще недавно мы могли лишь в мечтах молчаливых, затаенных мечтах думать – стало к осуществлению как властная, всеобщая задача дня. К самым заветным целям мы сразу неукротимым движением придвинулись на полет стрелы, на прямой удар. Наше время настало... Но прошли дни – и немного дней – и... рассеялось марево этой всеобщности порыва... Снова на трибунах и на газетных столбцах уверенно заговорили... разумные, слишком разумные политики «Справедливости»... Как раньше, и дольше, чем раньше, они не хотят нашей Правды... Мы снова чувствуем себя скифами, затерянными в чужой нам толпе, отслоненными от родного простора».

4. С. Есенин и революция.

Есенин присматривался к революции независимо от заявлений «разумниковой школы». Но не только революция, а и социализм, который начали строить большевики, оказались непохожими на представления Есенина об идеальном общественном устройстве. «Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый <...>, без славы и без мечтаний». Духовный кризис переживает в 1919 – 1920 годах и Есенин.

5. С. Есенин и имажинизм.

Первый опубликованный имажинистами сборник под названием «Исход» был отпечатан в губернской пензенской типографии осенью 1918 года.

«Декларация» имажинистов была опубликована в воронежском журнале «Сирена» в 1919 году. К моменту, когда «Декларация» писалась, Есенин уже был среди членов группы.

Под «Декларацией» стояли подписи: «Поэты Сергей Есенин, Рюрик Ивнев, Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич. Художники: Борис Эрдман, Георгий Якулов». Но подлинным автором был В. Шершеневич. Имя Сергея Есенина было поставлено первым, скорее всего, из соображений его популярности.

Главная задача школы определялась в «Декларации» так: «...очистить форму от содержания <...> лучше, чем уличный чистильщик сапоги».

6. С. Есенин и Пролеткульт.

Между тем Есенин присматривается к поэзии Пролеткульта, самому левому и революционному, как тогда казалось, крылу литераторов. Группа крестьянских поэтов и писателей – среди них и Есенин – пишут заявление об образовании крестьянской секции при Московском Пролеткульте. Это заявление было рассмотрено на очередном исполнительном бюро Московского Пролеткульта, затем передано на рассмотрение в ЦК Всероссийского совета Пролеткульта и в конце концов вопрос оставлен «открытым». Тогда Есенин подал заявление в литературный кружок «Звено» и уже как представитель «Звена» был рекомендован в правление «Союза поэтов».

Сложные вопросы поэтики и творчества С. Есенина.

1. Есенин в русле литературно-поэтической традиции.

В настоящем учебнике творчество Есенина, как и творчество большинства рассматриваемых авторов, подается в русле литературно-поэтической традиции. Подобный ракурс особенно необычен для творчества Есенина, который в школьном преподавании обычно изучается изолированно от историко- литературного процесса.

В соответствующей главе настоящего учебника ученикам предлагается сопоставлять стихотворения Есенина не только со стихами Клюева (поэта, близкого Есенину и тематикой, и поэтикой, а также связанного с ним

биографически, поэта, очевидно повлиявшего на творчество Есенина), но и со стихами Блока, Пушкина, Лермонтова, с творчеством Гоголя.

При сопоставлении стихов Клюева и Есенина (задание из учебника) обращают на себя внимание такие близкие образы поэтов, как «Прослезилася смородина, / Травный слушаю псалом» (Клюев) и «молитвословный ковыль» или «ивы – кроткие монашки» (Есенин). И у Есенина, и у Клюева христианские мотивы соединялись с языческими (в том числе это выражалось в чувственности и «плотности» художественного образа). Безусловно, подобное сходство свидетельствует о близости мировосприятия. Вместе с тем очень существенны и различия. В центре поэтического мира Клюева – дом, изба, уклад деревенской старообрядческой жизни. В стихотворениях Есенина тоже появляется дом, но обычно это дом воображаемый: он вспоминает «про отчий край и отчий дом» («Ночь и поле, и крик петухов...» и «Где ты, где ты, отчий дом...» С. Есенина ср. с «Избьяными песнями» Н. Клюева). Есенинские стихи о деревне – это прежде всего пейзажные стихи.

Более того, достаточно рано в стихах Есенина появляется мотив бездомности. («Все мы бездомники», – говорит поэт).

В стихах Н. Клюева можно также обнаружить тенденцию отказа от авторского «я», что свойственно фольклору и, соответственно, народному мировоззрению. Поэт говорит от лица крестьянина, а не от своего собственного лица (это не относится к стихам, приведенным в учебнике).

2. О метафоричности поэтического мира Есенина.

Своеобразие поэтической образности Есенина в настоящем учебнике не разбирается подробно. Вместе с тем на уроке такой разговор необходим. Есенинский образ конкретно-чувствен. Поэт внимателен даже к запахам окружающего его мира: «Пахнет яблоком и медом по церквам твой кроткий Спас», «пахнет ромашкой и медом от ос», «пахнет вербой и смолою» и т. д. В стихах поэта множество метафор: например, «Хлебной брагой льет теплынь», «Со снопом волос твоих овсяных / Отоснилась ты мне навсегда» и т. п.

Б. Эйхенбаум связал эту богатую образность с увлечением Есенина футуристами: «От футуристов – увлечение образностью, но с подчеркнутым деревенским тематизмом: месяц – «ягненок кудрявый», закат –

И невольню в море хлеба

Рвется образ с языка:

Отелившееся небо

Лижет красного телка».

Природа в стихотворениях Есенина одушевлена, у деревьев появляются слова и жесты. В учебнике такое отождествление образов природы и человека показано через важнейшую метафору поэзии Есенина: дерево, ставшее автопортретом поэта или двойником его лирического героя (см., например, анализ стихотворений «По-осеннему кычет сова...» или «Скоро мне без листвы холодеть»). Такой взгляд на мир, такое отождествление рождает новые метафоры, и психологическое состояние человека передается качеством дерева – усталость души воплощается в его безлиственности. Показывая ученикам метафоричность поэтического мышления Есенина, можно вспомнить и другие, важные для него, поэтические образы. Например, образ теленка. Стоит сравнить уже цитировавшиеся строки:

И невольно в море хлеба

Рвется образ с языка:

Отелившееся небо

Лижет красного телка.

с такими примерами:

О верю, верю – будет

Телиться твой восток!

(«Пришествие»).

Или:

Облаки лают,

Ревет златозубая высь...

Пою и взываю:

Господи, отелись!

Или:

Перед воротами в рай

Я стучусь:

Звездами спеленай

Телицу-Русь.

(«Преображение»)

Есенин пояснял значение этого образа: «“Отелись” – значит, воплотись», – говорил он (речь идет о новом, «коровой вспухшем боге», который в сознании поэта представлял новый, изменившийся после социальной революции мир). С этим рядом метафор связан еще один, порожденный первым, «ответвившийся» от него – в этом ряду оказывается образ красного небесного молока: «С небес через красные сети дождит молоко». «Молитва», обращенная к коровьему богу, звучит так:

Небесного молока

Даждь мне днесь».

Такие «сквозные» поэтические образы создают очень важное качество поэзии Есенина: его стихи надо рассматривать во взаимосвязи, в контексте творчества поэта.

«Отдельное стихотворение всегда беднее, чем в ряду», – писала о стихах С. Есенина А. Марченко.

3. С. Есенин об образе.

На уроке, посвященном своеобразию художественного образа у Есенина, учитель может рассказать ученикам о статье поэта «Ключи Марии» (или прочитать из нее фрагменты).

Статья была опубликована в 1920 году; народное творчество (прежде всего сочинительство загадок) рассматривается Есениным как основа образности. Впрочем, основу художественной образности поэт видит и в народном православии, соединившем христианство с язычеством⁵²: «Оно (христианство – Е. А., К. П.) родилось в нас, как образ, напоенный прозрениями наших языческих мистерий. Оно дало нам лишь лишние средства в определениях фигурами того мира, который был в нас раньше его появления».

Статью Есенина «Ключи Марии» можно прочитать и как комментарий к имажинизму (вместе с тем, возможно, статья писалась до того, как Есенин примкнул к имажинистам). Образ рассматривается здесь как мифологическое построение.

4. Религиозные и антирелигиозные мотивы в творчестве С. Есенина.

Б. Пастернаку принадлежат следующие слова: «В отличие от классиков, которым был важен смысл гимнов и молитв <...> Маяковскому и Есенину куски церковных распевов и чтений дороги в их буквальности, как отрывки живого быта, наряду с улицей, домом и любыми словами разговорной речи...»

В самом деле, вера Есенина была дана ему «с молоком матери», воспитанием, самим строем деревенской жизни. Потому так естественно появляются в его ранних стихах образы, связанные с христианством и православием:

Край родной! Поля как святцы,

Рощи в венчиках иконных.

Соединение язычества с христианством казалось тогда сутью русской души. Так, И. Анненский писал в открывающей «Аполлон» статье: «В нас еще слишком много степи, скифской любви к простору. Только на скифскую душу наслоилась тоже давняя византийская буколика с ее вертоградями, пастырями, богородицыными слезками и золочеными заставками».

Вместе с тем мир православной жизни воспринимается Есениным с эстетической точки зрения, потому-то, как точно замечает Б. Эйхенбаум, его Иисус и Микола из «Радуницы» напоминают лубочных и иконописных.

В советское время в отношении религиозных вопросов Есенин повел себя достаточно конъюнктурно (это будет особенно очевидно ученикам после чтения ранних стихов поэта и фрагментов из его статьи «Ключи Марии»): «Самый щекотливый этап это моя религиозность, которая очень отчетливо отразилась на моих ранних произведениях. Этот этап я не считаю творчески мне принадлежащим. Он есть условие моего воспитания и той среды, где я вращался в первую пору моей литературной деятельности... Я просил бы читателей относиться ко всем моим Иисусам, божьим матерям и Миколам, как к сказочному в поэзии». Однако далее он писал: «Отрицать я в себе этого этапа вычеркиванием не могу...».

Анатолий Мариенгоф вспоминает в книге «Мой век, мои друзья и подруги»: «Мы идем мимо Страстного монастыря, стены которого недавно расписали своими стихами: Есенин-

Пою и взываю: господи, отелись!

Граждане, душ меняйте белье исподнее!

Магдалина, я тоже сегодня

Приду к тебе в чистых подштанниках.

Мариенгоф»

И когда Есенин напишет:

Чтоб за все за грехи за мои тяжкие,

За неверие в благодать,

Положили меня в русской рубашке

Под иконами умирать,

Мариенгоф не поверит его искренности: «А вот это стихотворение для умного Есенина было чистой литературой. Чистейшей! Даже в свою последнюю здешнюю минуту он не вспомнил бога. А все многочисленные Иисусы в есенинских стихах и поэмах, эти богородицы, “скликающие в рай телят”, эти иконы над смертным ложем существовали для него не больше, чем для Пушкина – Аполлоны, Юпитеры и Авроры».

5. О мотивах усталости и маске хулигана в поэзии С. Есенина.

Сразу после революции Есенин полагал, что преобразование России обойдется «без креста и мук»; затем поверил, что за неизбежной «крестной мукой» брезжит близкий «Даир», сказочно прекрасная Инония – страна «мужицкого» социализма. Разочарование в этих представлениях сказалось и на творчестве; в стихах появляются новые мотивы: усталости от жизни («Устал я жить в родном краю...»), смерти («Скоро мне без листвы холодеть...»). В «Кобыльях кораблях», также звучит тема душевной осени:

Скоро белое дерево сронит

Головы моей желтый лист...

У образа осени возникает еще одно значение: «злой октябрь», «октябрьский ветер».

Теперь личная, биографическая тема доминирует в его стихах. Создается новая легенда:

Есенин выступает в роли литературного «хулигана»; ту же роль он играет и в жизни.

В учебнике появление маски «хулигана» связывается с поэмой «Инония». Можно также показать ученикам стихотворение «Дождик мокрыми ветлами чистит...» («Плюйся, ветер, охапками листьев, – / Я такой же, как ты,

хулиган»), поэму «Исповедь хулигана», стихотворения «Москва кабацкая», «Любовь хулигана», «Стихи скандалиста», «Песни забулдыги» и др.